

M. VENTRIS and JOHN CHADWICK, Documents in Mycenaean Greek, Three Hundred Selected Tablets from Knossos, Pylos and Mycenae with Commentary and Vocabulary, with a Foreword by A. J. B. Wace. Cambridge University Press, 1956, стр. XXXI + 452; 3 таблицы.

J. CHADWICK, The Decipherment of Linear B. Cambridge University Press, 1958, стр. X + 146.

Появившаяся в 1953 г. в «Journal of Hellenic Studies» статья Вентриса и Чадвика «Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives» произвела коренной переворот в науке об истории и культуре древнейшей Греции и в истории греческого языка.

Задача настоящей статьи — выяснить, что принципиально нового п р и б а в и л и к этой статье две книги, указанные в заголовке рецензии? Являются ли они, как это многие утверждают, *standard works*, основным руководством, к которому должны будут обращаться исследователи в продолжение ряда поколений?

Рассмотрим содержание «Documents». Не случайно книге предпослано введение, написанное А. Уэс (A. Wace). Эванс, исходя из превосходства критского изобразительного искусства над микенским, являющимся его подражанием, и из мифа о Миносе, полагал, что Балканский полуостров до XIV в. был колонией догреческого Крита. Исходя из своеобразия критской культуры позднего бронзового века и из ее чрезвычайного сходства с культурой греческого материка в эту эпоху, Уэс в противоположность Эвансу, пришел к заключению, что носителями этой культуры были греки, захватившие в это время власть уже и в Кноссе. Эта культура, по мнению Уэса, развивалась последовательно и непрерывно вплоть до классического времени. Дорийское или какое бы то ни было другое вторжение не внесло существенных изменений. Гомеровские бесписьменные «мрачные времена» (Dark Age) существуют, по мнению Уэса, только в фантазии историков: микенским письмом писали до IX в., когда на смену ему пришло финикийское¹. Дешифровка подтвердила правильность взгляда Уэса на роль греков: не только пилосские, но и кноссские надписи оказались написанными на греческом языке!

I часть самой книги посвящена письму, языку и культуре микенской Греции; во II части дается в латинской транслитерации текст 300 надписей с переводом на английский язык и с комментарием.

Первая глава I части посвящена истории открытия и дешифровки микенских надписей. Недостаток места не позволяет нам остановиться в нашей рецензии на этом вопросе. Отметим только утверждение авторов, что основным доказательством правильности их расшифровки является большое количество удачных чтений, поэтому многое остается проблематичным. Если даже в кипрском письме, написанном в классическое время заведомо на греческом языке, ряд текстов не удалось понять полностью (Вентрис и Чадвик приводят в качестве примера надпись Schwyzer, Del.³ 685, 1), то, замечают авторы, нет ничего удивительного в том, что и многие микенские надписи остаются непонятными или спорными.

Вторая глава посвящена микенской системе письма. Авторы вкратце рассказывают о критском иероглифическом и ливейном письме A и B, о происхождении линейного письма B и о случаях сходства между этими тремя типами знаков. Далее авторы переходят к так часто дебатующимся в научной литературе орфографическим и м правилам Вентриса. На стр. 43 авторы объясняют, как создались эти правила: «The following notes are based on the general assumption that the pronunciation behind the spelling is a normal... form of East Greek, such as had already been inferred... by philologists» (разрядка моя. — С. Л.). Под лингвистами здесь понимаются Риш и его единомышленники, предполагающие наличие общего предка у ахейского и ионийского диалекта, которому противопоставляется общий предок дорийского и эолийского диалектов. Авторы сначала кратко излагают орфографические правила позднейшего кипрского диалекта, причем к категории орфографических правил они относят и ненаписание ρ и ν перед согласной и ненаписание в некоторых случаях ς в конце слова. В том, что в кипрском диалекте каждому слогу соответствует один силлабический знак, авторы видят прогресс по сравнению с микенским. «Орфографические» правила микенского письма, по мнению авторов, оставляют некоторую свободу произволу писцов: можно было писать *kotona* и *kotoina*; окончание дат. пад. мн. ч. можно было писать и $-\omega$ и $-\omega\varsigma$; в греческом языке, как известно, конечные согласные исчезли, но ρ , ν и ς сохранились; соответственно этому эти согласные в кипрском алфавите пишутся в конце слова в виде *ge*, *ne*, *se*. В микенских табличках $-r$ и $-s$ в конце слова не

¹ Эти взгляды Уэса на непрерывно поступательное развитие античной культуры не разделяются авторами книги.

пишутся, а в середине слова перед согласным (в конце слога) -г и -s можно было и писать и не писать: так, пишут *amo* и *remo* (*αμα* и *σπερμος*), но *wereke*, *worokijonejo* (*Γέρρες*, *Foruώνειος*); пишут *rekeku-* (*πρεσβυ-*), но *desomo* (*δεσμος*), *dosomo* (*δοσμος*); для обозначения соединения двух согласных, из которых первый *mu*, между ними ставится такой же гласный, как стоящий после них, например *χρυσός* = *kuruso*, но вставляют иногда и другой гласный — например *wanakate*, *Γάνακτι*, *Rukito*, *Λυκτος*; *s* в конце слова по этим правилам не пишется, но в слове *wonqoso*, *δῖνοψ*, оно сохраняется как исключение. В тех случаях, когда микенская форма не совпадает с позднейшей, авторы допускают в целом ряде случаев наличие ошибок, сокращений и пропусков писцов: *epidato* вм. *epidedato*, *to remo* вм. *toso remo* и т. д. Наконец, авторы подробно рассматривают вопрос о микенских идеограммах, цифрах и едипицах измерения. Правда, надписи дают возможность судить лишь об относительной величине единиц измерения — по отношению друг к другу; но путем сопоставления с единицами измерения древнего Востока они пытаются установить и абсолютную величину этих единиц. В заключение говорится о еще нерасшифрованных памятниках кипро-микенского письма XIV в. и о памятниках кипрского силлабического письма V — IV вв. как о возможных преемниках линейного письма А.

В третьей главе (микенский язык) авторы начинают с вопроса: не являются ли орфографические правила Вентриса прокрустовой операцией с целью произвольно установить большую близость между микенским и позднейшим греческим языком, чем было в действительности? Авторы указывают на основании ряда точных совпадений, что микенские надписи не могли быть написаны ни на индоевропейском языке, сходном с греческим, ни на диалекте, отошедшем от греческого, что нельзя принимать все отличия микенских написаний от греческих за языковые отличия: так, если бы микенцы произносили *l* и *g* одинаково, то их потомки не могли бы восстановить *l* в отличие от *g* как раз в тех случаях, где они были в общиндоевропейском языке. Далее авторы рассматривают догреческие элементы микенского языка; как правило (если не говорить о собственных именах, не поддающихся дешифровке), все это — те же слова, которые проникли и в классический греческий язык — авторы могут указать только на один неиндоевропейский корень *ai*, который означает «отделять» и которого в позднейшем языке нет. Переходя к взаимоотношению микенского и исторических диалектов, авторы указывают на черты сходства как с аркадо-кипрским, так и с эолийским; так как эолийский они сближают с группой западных диалектов, то видят предшественника микенского диалекта только в аркадо-кипрском.

Далее авторы переходят к фонетике (гласные, дифтонги, полугласные, спиранты, — *s*, *h*, *z*, взрывные), причем останавливаются на вопросе о слиянии гласных (по их мнению, элизия наблюдается только между приставкой и основой; слияние вообще не имеет места), говорят о слоге *qa*, который в это время уже полностью перешел в *ra*, тогда как *qe* и *re* чередуются, *qo* и *qi* еще нигде не перешли в *ro* и *ri*. Случаи ассимиляции — те же, что в аттическом диалекте классического времени, за исключением форм *agarmotmena*, *egarmena*, *phoinikphi*².

В следующем разделе, посвященном морфологии, авторы дают образцы всех трех склонений. Как окончание *-o*, так и окончание *-oi* они считают признаком *dat.* или *instr. plur.*, хотя колеблются, понимать ли *-oi* как *ois* или как *ohi*, *-ai* как *aís* или как *ahi* (из *oisi*, *aísi*). Авторы отмечают, что в 3-м скл. *dat. sing.* имеет то окончание *-e*, то *-i*, и допускают две возможности: либо что *-e* написано вместо *-ei*, либо что *-e* здесь вариант *-i*³.

² С нашей точки зрения, это объясняется тем, что вставка «немного» гласного (например *kaqa* вместо *kra*, *pete* вместо *pte*) не была чисто орфографическим приемом; он произносился, но очень слабо (вроде франц. *e muet*, старорусских *ъ* и *ь*); тогда *egarmena*, *phoinikphi* вполне понятны.

³ Последнее, однако, невозможно ввиду того, что вместо *pade* однажды читается *padei* (F 955, 5), вм. (56) *kowe* дважды (56) *kowei* (Dn 1093,2. Dm 5181).

Говоря о местоимениях, авторы понимают *mi* (Ер 704) как *min*, «его» (ионийская форма), *pei* как *σφεῖς* (дат. мн., встречающийся в одной аркадской надписи), *to me* как *tosmei*, *dat.*, ср. критское *δτιμι*. Касаясь числительных, авторы обращают внимание на то, что здесь и. е. Γ обычно >го, а не -ar или -ra; *emede* они понимают как *hemei de* (>*ἐνὶ δέ*), *da₂woupi* они читают как *duwoupi* и видят здесь *instr. plur.* от *δβο*.

Говоря о глаголе, авторы отмечают отсутствие аугмента, за исключением одной только формы *arpedoke* (наряду с *arudoke*), наличие слогового удвоения в перфекте, окончание средн. залога -*toi*, -*ntoi* (вм. аттического -*lai*; -*ntai*). Случаи неудвоенного перфекта или плюсквамперфекта авторы рассматривают либо как аорист, либо как описки писца (*epi* < *de* > *dato*, *ar* < *ar* > *omotemeno*). Отмечают формы *ape* (*apes* — атт. *ἀπῆν*) и атемат. прич. от *ἀπειναι* — *apeassa*.

В разделе «Синтаксис» авторы обращают внимание на общее с Гомером употребление активного причастия перфекта в интранзитивном смысле, удвоение слова для обозначения повторности (*wetei-wetei*), предлог *paro* («от») с дат. пад.

Следующая, четвертая глава посвящена собственным именам лиц. Авторы отмечают проблематичность толкования собственных имен (правильность транскрипции не может быть подтверждена контекстом); только когда речь идет о длинных составных именах, трудно предположить случайное совпадение. Авторы отмечают большое число собственных имен 1-го скл. на -*ας* и 3-го скл. на -*εως*. Ряд имен представляет собою различные сочетания из тех же составных частей, которые характерны и для имен позднейшей Греции. Целый ряд имен имеет параллели у Гомера.

Пятая глава озаглавлена «О чем рассказывают таблички». Авторы начинают с заявления, что в области изучения языка табличек использование Гомера весьма полезно, а таблички из стран древнего Востока — из Нуци, Алалаха и Угарита — ничего дать не могут; но для изучения содержания этих табличек первостепенное значение имеет весьма сходный с ними материал указанных областей Переднего Востока, тогда как поэмы Гомера дают картину совершенно изменившихся общественных условий VIII в. до н. э., когда от микенского уклада у Гомера сохранились только отдельные reminiscences: они считают совершенно невероятным, чтобы хоть какой-нибудь эпизод в этих поэмах восходил к микенскому времени; в памяти аэдов могли сохраниться в лучшем случае отдельные стихи из эпических поэм микенского времени; авторы полагают, что в микенское время письменность не выходила еще за пределы учетных документов в государственных канцеляриях.

Во второй книге Чадвик обращает также внимание на значительную разницу между гомеровским обществом и микенским (*lawagetas*, большой штат разнообразных чиновников).

Далее авторы дают описание микенских табличек и план помещений, в которых они были раскопаны; они пытаются восстановить тот уровень математических знаний, который потребен писцам для выкладок, содержащихся на табличках.

На стр. 119—124 дан очень краткий очерк общественной организации. Термин *wanaka* показывает, что во главе как пилосского, так и кносского государства стоял монарх: о его власти свидетельствует термин «царский» (*wanakteros*), применяемый к некоторым ремесленникам. Крупный землевладелец *Ekega₂wo* в Пилосе, по мнению авторов, и есть царь; его имя *Ἐχελάφων* означает «державший (в своих руках) народ», только *wanaka* и *lawagetas* («воевода», «полемарх») получают темены. В дальнейшем авторы присоединяются к взгляду Палмера, по которому система управления в микенской Греции была «феодальной»: *telestai* — это «бароны», *ka₂mae* — это название одной из категорий «вассалов», *βασιλεύς* — это не царь, а «тип феодала».

Авторы обращают внимание на многочисленность специальных терминов для обозначения отдельных ремесленных специальностей мужчин и женщин, говорят о широко распространенном частном рабовладении и о большой разнице между социальным положением отдельных категорий рабов. Некоторые из терминов, характеризующие рабынь, авторы переводят не как обозначение профессий, а как обозначение места их происхождения, один из них — *rawija₂ja* — они толкуют как «взяты из добычи». Отсюда они делают вывод, что эти надписи свидетельствуют о частых пиратских набегах на

варварские области; захваченные рабочие на первых порах еще не были обучены специальности и характеризовались только по месту происхождения. «Божьих рабов» авторы не склонны считать рабами и видят в них низшую ступень свободных людей феодального общества.

Далее говорится о надписях, посвященных организации войска и флота, причем названный при каждом отряде *epeta* характеризуется как «a liaison officer representing the king».

В разделе, посвященном микенской религии, перечисляются божества позднейшего пантеона, имена которых встречаются на микенских табличках; кроме них, авторы упоминают еще паредра Зевса и Посейдона — Дивию и Посидею, а также Дедала и Ифимедею, впоследствии секуляризованных и разжалованных в герои. Перечисляя служителей культа, авторы называют также «хранительниц ключей», *klawiphrogoi*, полагая, что *kaawirogo* в надписи In 829 — множественное число, хотя во всех прочих случаях это слово употребляется только в ед. ч.

В разделе «Земледелие и землепользование» перечислены упоминаемые в микенских надписях хлебные злаки, овощи, приправы (петрушка и т. п.), плоды, домашний скот (в том числе олени). В разделе «Ремесло и торговля» указывается на широкое распространение и большую роль ремесел — основной спецификой микенского гражданина в этих надписях является не отчество и не *εδουκω* (как в позднейшее время), а его занятие, например: «Евмед — изготовитель благовоний», «Бритавон — горшечник», «Фисбей — овечий пастух» и т. д. Для определения общественного положения ремесленников привлекается кодекс Хаммурапи, надписи из Угарита и Алалаха, но ни слова не говорится о характернейших свидетельствах самих микенских надписей — о разделении кузнецов на «получающих задания (на дом)» (*tarasija ekote*) и не получающих его (*atarasija*)⁴, о регистрации явки ремесленников на работу (*apeote*) и т. д. Далее перечисляются сорта материалов, употребляемых в ремесле, и вкратце говорится о ввозных материалах. В разделе «Исторические выводы» авторы снова подробно останавливаются на *εκαγα2wo*, имени, которое они считают именем *wanaka*, и пытаются (без большого успеха) установить его связь с дошедшими до нас именами пилосских царей и их потомков. В последнем разделе делается попытка установить связь географических имен, упоминаемых в микенских надписях, с названием поселений у Гомера и в позднейшей Греции. К этому разделу приложены указатели географических названий в Кноссе и Пилосе. На этом заканчивается первая, суммирующая часть книги.

Вторая часть посвящена, как мы уже сказали, тексту, переводу и разбору отдельных надписей. Эти надписи расположены по системе Беннетта, основанной на встречающихся в надписях идеограммах (списки людей; скот и сельскохозяйственная продукция; землевладение и землепользование; пропорциональное обложение и ритуальные приношения; ткани, посуда и мебель; металлы и военное снаряжение). Остановиться на этих надписях мы здесь не можем за неимением места. К книге приложены: 1) словарь нарицательных слов; 2) словарь собственных имен (часто комментарий отдельных выражений вынесен в словарь; иногда даваемое здесь толкование не сходится с даваемым в тексте, что может быть объяснено новизной предмета и обилием вновь выходящей литературы); 3) библиография; 4) общий указатель.

Таково содержание первой из рецензируемых книг. Если первая книга представляет собою *editio prima*, *opus magnum* для специалистов, то написанная уже после смерти Вентриса небольшая книга «The Decipherment of Linear B» имеет целью дать популярное сообщение об открытии Вентриса, рассчитанное на широкие круги интеллигентных читателей, даже не владеющих греческим языком. Однако Чадвик пользуется также случаем, чтобы посчитаться здесь с теми изменениями в составе и толковании надписей, которые имели место уже после выхода Documents. Основное содержание книги — история дешифровки микенских надписей. Она была изложена в Documents недостаточно ясно и подробно, что дало повод для ряда нападок со стороны противников дешифровки; поэтому Чадвик останавливается здесь на этом подробно.

⁴ Об этом говорится только в комментарии к надписям In.

Первая глава книги посвящена биографии Вентриса. Вторая глава «Микенские письма» в очень краткой форме знакомит читателя с географией Греции в микенское время, с раскопками Шлимана и Эванса, с находкой критских писем и попыткой их расшифровки Эвансом, с кипро-минойским и кипрским письмом. Третья глава «Надежды и неудачи» живо рассказывает о неудачных попытках разных ученых расшифровать микенское письмо В. Однако эти попытки принесли и много пользы: была установлена связь между микенским и позднейшим кипрским письмом, было выставлено предположение, что эти надписи написаны на греческом языке, а изученные А. Кобер формы словоизменения легли в основу дешифровки Вентриса. Четвертая глава озаглавлена «Рождение одной теории». Здесь подробно рассматривается ряд последовательных шагов, иногда неудачных, которые постепенно привели Вентриса к расшифровке микенского письма как греческого.

Пятая глава озаглавлена «Рост и развитие»; здесь излагается ход мыслей и успехи Вентриса после того, как он, установив значение знаков без всякой предвзятой мысли о греческом языке надписей (он считал их написанными на языке, близком к этрусскому), получил ряд греческих корней и форм и пришел к формулировке своих знаменитых «орфографических правил».

Шестая глава озаглавлена «Дешифровка и ее критики». Чадвик начинает с рассказа о том, как неожиданно подтвердилась правильность расшифровки благодаря найденной Блегеном уже после опубликования Evidence надпись о сосудах (Таб41); он рассказывает о восторженном приеме открытия Вентриса крупнейшими лингвистами всех стран, касается отношения к дешифровке со стороны Платона и Хенли (Henle) и, наконец, переходит к разбору ожесточенной критики дешифровки в статьях Битти и Грумаха.

К сожалению, в споре с Битти и Грумахом Чадвик прибегает к своему обычному аргументу, недопустимому в науке. Он говорит (стр. 99) о насмешках, которым подверглась статья Битти со стороны компетентных читателей, и прибавляет: «если бы Битти и Грумах были правы, это означало бы, что большая часть специалистов греческого языка во всем свете оказалась жертвой заблуждения...». Такой argumentum ad hominem недопустим в научной работе: как часто крупные ученые и мыслители (хотя бы тот же Шлиман) встречали единодушный озлобленный отпор со стороны ученой касты!

Наконец, седьмая глава представляет собой наибольший научный интерес во всей книге, так как здесь дан пересмотр исторических выводов, сделанных в Documents. Неубедительность критики Битти и Грумаха легко доказать и не прибегая к подобной аргументации.

Чадвик начинает с справедливого утверждения, что население как материка, так и Кносса по большей части было уже греческим, впитавшим в себя, благодаря смешанным бракам, и часть догреческого населения. Он столь же справедливо утверждает, что ближайшими родственниками микенцев в классическую эпоху были аркадяне и кипряне (к сожалению, он без достаточных оснований в угоду теории Риша присоединяет сюда и ионян). В противоположность новомодным теориям, Чадвик держится (предположительно) взгляда, что микенские государства были разрушены в результате дорийского вторжения. Чадвику кажется чрезвычайно странным, что между кносским и микенским письмом, отделенным друг от друга промежутком более чем в 200 лет, нет почти никакой разницы — явление совершенно беспрецедентное. Однако, как он замечает, археологические соображения заставляют сохранить этот промежуток.

Необходимо тут же заметить, что Чадвик, сделав правильное наблюдение, не сделал из него надлежащего вывода вследствие уже указанного выше характерного для него преклонения перед научной традицией. В настоящее время один из крупнейших археологов. Блеген⁵, считает наиболее вероятным, что таблички письма В происходят из кносского дворца, перестроенного греками уже после пожара, имевшего место около 1400 г., и были обожжены при другом пожаре, имевшем место примерно в XIII в.

⁵ Blegen, Minoica, «Festschrift Sundwall», B., 1958, стр. 64.

Наибольший принципиальный интерес имеет стр. 113 и сл. Как мы видели, в Documents Вентрис и Чадвик, не будучи историками, некритически усвоили теорию Палмера, по которой микенское общество было феодальной монархией: *telestai* — это бароны, ремесленники — вассалы, «божьи рабы» — вилланы и т. д., причем эта система, типичная для позднейшей Германии, характеризуется как индоевропейская, свойственная «индогерманским» предкам. Чадвик не ставит под сомнение этой характеристики «древних индогерманцев»: он только утверждает, что за 500 лет (почему 500?), прошедших со времени ухода индоевропейцев с их общей родины, общественный строй должен был измениться и что *wa-pa-ka* не происходит от общиндоевропейского корня *g a j a, g e x*. Мы полагаем, что в данном случае Чадвик прав, но не в силу тех соображений, которые он выдвигает; мы считаем решающим отсутствие в надписях и изображениях каких бы то ни было указаний на монархический характер власти *wa-pa-ka* и *la-wa-ga-ta*: они не находятся в центре рисунков и не изображены в большем масштабе, чем прочие люди, они не называются «богом», «сыном бога», «солнцем» и т. д., не дошло никаких приказов от их имени, как это характерно для надписей древнего Востока. Кроме того, и упоминание народа (*da-mo*), а не царя, как хозяина большей части земельных участков, заставляет, по нашему мнению, категорически отказаться от «феодальной» теории, а для «индоевропейского» общества предпочесть схему Морган — Энгельса схеме Палмера.

Теории Палмера, как известно, противостоит теория итальянских и испанских ученых, согласно которой микенское общество было теократическим, теория, к которой теперь отчасти примыкает и Чадвик. Игнорируя позднейшее употребление слова *telestas* (= *tereta*), встречающегося уже в микенских надписях (*telestai, hoi en telei, hoi tele ekhousi* — означало в V—IV вв. «высшие должностные лица»), он понимает слово *telesta* как «совершающий таинство посвящения»⁶, но думает, что церковная и светская власть в то время находилась в одних руках. Это противоречит не только всему тому, что мы знаем о греческом иречестве, которое никогда не делало никаких поползновений на светскую власть, но и этимологии слова *τελέω* (**quel-*, ср. *πῶλος*).

В очерке земельных отношений (стр. 114) Чадвик справедливо противопоставляет землю *ki-me-na*, слово, довольно близкое к нашему термину «частновладельческий», земле *ke-ke-me-na*, «общественная земля». И в этом случае Чадвик правильно поступил, отказавшись от понимания *da-mo* как «земля» или «деревня», он понимает это слово как «народ», «общество» (*community*) и потому переводит *ke-ke-me-na* «common». Говоря далее о многочисленных должностных лицах, упоминаемых в надписях, и об их отсутствии у Гомера, Чадвик справедливо объясняет это падением культуры и экономики в «темное время» (*The Dark Age*); таким образом, он viscoлько не солидаризируется с теорией «постепенного перехода» от микенской эпохи к архаической, выдвинутой Уэсом в предисловии к Documents. Переходя к вопросу о религии микенцев, Чадвик касается только тех греческих божеств, которые пользовались почитанием и в позднейшее время. Его почему-то крайне затрудняет то, что в некоторых случаях приношения делаются всем богам (*pasi teoi*), и он замечает: «At this point we begin to pass from the known to the unknown. The Knossos dedications „to all the gods“ are not really intellegible, for such a pantheistic cult was not known before Hellenistic times». Все это совершенно неверно. Во-первых, этот культ не является специфически кносским; в Пилосе мы также находим приношение: *Λουσίω ἀγρῶν θεοῖς* (Fr. 1226); во-вторых, уже у Гомера мы читаем (*Od.*, XIV, 423): *καὶ ἐπέουχοτο πᾶσι θεοῖσι*; ср. у Эсхила в «Молящих» (222): *πάντων ἀνάκτων τῶνδε κοινὸς βοῦνιάν* и обычную форму клятвы *θεοῖς πᾶσι καὶ πάσαις*, которая пародирована как тривиальная уже у Аристофана, *Aves*, 865—867. Чадвик ломает себе голову над

⁶ Впрочем, не только здесь, но уже в Documents (стр. 215) он без всякого основания замечает: *kiritewija* «possibly a religious office», между тем слово *κρίθῆρα*, по-видимому, происходит от слова *κρίθῆ* «ячмень» и означает только «получающие ячменное довольствие».

тем, что за богиня была *Πότνια*, тогда как *Πότνια*, как правило, имеет в микенских надписях эпитетом название того или иного города; таким образом, «потний» было много: *Πότνια* — то же, что впоследствии *Πολύβοχος*. Новый материал, использованный Чадвиком, снабдил нас и новыми именами богов: *mater teija*, «богоматерь», и *potnia ipreja*, «конская владычица», — это та же богиня, которая из Апулея и римских надписей Галлии впоследствии известна как «*domina Erona*».

Интересно также делаемое им вслед за Беннеттом и Молли Миллер указание, что таблички написаны более чем 40 почерками, причем надписи, объединенные содержанием, написаны одним и тем же почерком; отсюда Чадвик делает вывод, что в микенском обществе не было профессионалов-писцов (слово «писец» нигде не упоминается), а каждое должностное лицо само вело свою отчетность. На глиняных табличках велись только бухгалтерские записи, подлежащие к концу года уничтожению (на табличках указывается месяц, но никогда не указывается год!); сама форма букв, не подходящая для писания на глине (ср. клинопись!), и форма табличек (в виде пальмового листа) показывают, что литература, предназначенная для более длительного сохранения, писалась на коже, бумаге или на пальмовых листьях.

Чадвик очень сомневается, чтобы отчетность на табличках велась не только государством, но и частными людьми. Когда Уэс нашел надписи в Микенах в бывших зданиях вне территории дворца, он назвал эти здания «дом торговца маслом» и т. д. Но Чадвик полагает, что и эти дома были государственными канцеляриями, хотя и помещались в большом отдалении от дворца. Отсутствие надгробных памятников показывает, по мнению Чадвика, что читать умел только небольшой круг лиц: *the highest as well as the lowest members of the community may have been illiterate*. Заключение это, однако, несколько поспешное: во-первых, ненахождение могильных камней могло быть просто делом случая; во-вторых, нам не известно, входила ли в погребальный обряд микенского времени постановка надгробного камня с надписью.

Заключительная глава посвящена перспективам микенологии. Вероятно, еще многого возможно достичь в деле чтения и интерпретации табличек, особенно при сличении и истолковании целых однородных групп. Но вследствие несовершенства письма, отрывочности и однообразия содержания вскоре наступит предел, дальше которого возможны будут только фантастические догадки. Однако, с другой стороны, раскопки в Пилосе, Микенах и на Кноссе еще далеко не завершены. Есть шансы, что аналогичные надписи будут найдены при последующих раскопках в Фивах, где найдены сосуды с микенскими надписями, в Иодке (в Фессалии), в Спарте и других местах. Если удастся расшифровать краткие надписи письма А и кипро-минойские надписи, написанные письмом, очень близким к микенскому, несомненно, будет пролит новый свет на изучаемые нами надписи.

В конце книги приложено девять образцов надписей в транслитерации, транскрипции на греческий язык и с английским переводом.

Теперь вернемся к вопросу: действительно ли *Documents* это *κτῆμα εις ἀεί*, the standard work, которое и много десятилетий спустя будет служить основным руководством для всех микенологов?

Для решения этого вопроса необходимо прежде всего разобрать основную предпосылку авторов: они исходят из положения «*that the pronunciation behind the spelling is a normal... form of East Greek, such as had already been inferred... by philologists*». Следовательно, считается аксиомой, что древние микеняне произносили так, как впоследствии аркадяне и критяне и (там, где это не исключено написанием) афиняне; всякое обнаруживаемое различие объясняется придумываемыми ad hoc орфографическими правилами. Но, во-первых, произношение за 900 лет не могло не измениться, а во-вторых, много ли мы знаем об аркадском и кипрском произношении VI, V и IV вв.? Можно ли утверждать, что во всех случаях написание соответствует произношению, особенно когда речь идет о промежуточных и слабых звуках, которые в состоянии уловить только вышколенное ухо, тем более что кипрские надписи написаны несовершенным слоговым письмом?

Всякий эпиграфист знает, что в надписях встречаются пропуски и ошибки, но если

мы, читая надписи, во всяком отступлении от школьной грамматики будем видеть ошибку писца, мы никогда не заметим своеобразия языка каждой надписи. С другой стороны, каждый биолог знает, какое огромное значение имеют рудименты в восстановлении структуры вымерших животных видов. Не меньшее значение имеют рудименты и в восстановлении вымерших лингвистических видов, но авторы ими совершенно пренебрегают.

Хорошим примером являются звуки μ , ν , λ , ρ (так называемые сонанты) и σ . Существуют два звука, соответствующие написаниям m и n , сравни франц. *mon oncle*, *l'ome* и *mon père*, *ghum*. Во втором случае m и n произносятся очень слабо, без приближения языка к зубам или без сближения губ, носовой звук становится только при звуком гласного, «вторую частью дифтонга». Особого обозначения для этого слабого звука нигде не существовало: с древности и до сих пор либо (обычно) его писали как ν , *gesp. μ* (συντιθημι, σμβανω, mon), либо его вовсе не писали (в надписях Кипра, в древнейших аттических надписях, в позднейшем *σὺζυς*, в польском — *będzie*, а не *bendzie*, *sie* а не *sien*). Поэтому, если в кипрских надписях в середине слова после согласной μ в конце слова (см., например, *Revue philologique*, 32, 1958, стр. 94) ν не пишется, мы объясняем это особенностью произношения, а не какой-то орфографической условностью. Менее наглядным для нас, но исторически несомненным фактом являются и два способа произношения звука g , который в конце слова почти или вовсе перестал слышаться в ряде языков уже в доисторическую эпоху (санскр., *māta*, *bhratā*, русск. мать, брат без *г* и т. д.). В диалектах классического греческого языка сохранились как рудименты случаи, когда g не пишется или ему соответствует на письме i (например, *μαίτις* вм. *μαρτις*); в современном литовском есть g , представляющее собой вторую часть дифтонга; нам известно, что в немецком и особенно в английском языке g в конце слога слабо произносится или вовсе не произносится.

Звук s в греческом языке не соответствовал русскому острому звуку «с». В кипрской билингве он изображается в финикийском тексте как h — *Menahem*, в греческом — *Μανασσής*; в кипрском — *Alahiota*, в греческом — *Αλασιώτας*; он переходил в h в начале слова и между гласными, а в конце слова он не писался в Памфилии, часто на Кипре (не только в артикле! См. ряд случаев, приводимых Митфордом в «*Minoica*», 262—263) и в архаических надписях, например в древнейшей надписи, написанной на аттическом диалекте. Вспомним, что и в санскрите s в конце слова переходит в h . Все эти явления засвидетельствованы и в микенских надписях, поэтому тот или иной способ написания — не дело прихоти какой-то микенской *Académie des Sciences*, составившей сложные «правила Вентриса», а явления фонетические; вследствие слабого произношения сонантов в этих положениях они то пишутся, то не пишутся, в зависимости от того, улавливает ли их ухо писца; затем, как это всегда бывает, для употребительных слов появляется *usus*, орфографическая традиция! Нельзя утверждать, что между l и g вовсе не было звукового различия, но оно было в эту эпоху настолько слабо, что ухо писца не улавливало его, считая его ненужной «тонкостью», поэтому и не понадобились особые знаки для la , le и т. д. Рудимент этого произношения сохранился в Сиде (Памфилия) вм. *ῥΑπολλοδορου* написано *Pordoru*⁷, хотя здесь l существовал как отдельный знак. Совершенно невероятно также, чтобы произволу писцов было, например, предоставлено писать слово *κτοίνα*, состоящее из двух слогов, либо как *kotona*, либо как *kotoina*. Очевидно, эти два написания отражали два произношения — двусложное (котойна) и трехсложное (котоина), как впоследствии, например, *ὄθνετος* и *ὄθνήτος*. Равным образом принцип, согласно которому каждый слоговой знак выражает либо гласный либо согласный

⁷ Brandenstein (*Minoica*, 88) объясняет это «ассимиляцией на расстоянии», но это неверно: при наличии в слове двух плавных имеет место диссимиляция, а не ассимиляция: *ῥαύκληρος*, *ἀργαλέος*, *militaris*, *fraglare*, *pelegrinus*, *caeruleus* и т. д.

с гласным, не был нарушен и знаком (62), который чередуется с р(е)-te. Нам известно, что индоевропейский звук рj- перешел позже в греческом в рt-, как в славянских в рl- (лит. rjaũjũ, греч. πτόω, русск. плую). Очевидно, в микенскую эпоху это еще был о д и н согласный, находившийся на пути от рi к рt. Этим объясняются и позднейшие чередования: πόλις и πτόλις, πολεμος и πτόλεμος, πτελέα и πελέα. Точь в точь в таком же положении знаки (76) и (66), которые ученые транскрибируют как gja и tja (т. е. две согласные + гласный), нарушая тот же принцип. Эти знаки чередуются то с га и та, то с gja и tja. С другой стороны, ряд ученых вообще сомневаются в том, что первый звук этих слогов мог соответствовать г + j или t + j, так как t + j дает в греч. яз. -σσ- (в микенских надписях -s- — или -k-). Однако причина в том, что эти ученые не понимают и не представляют себе, что такое «мягкие» звуки, лежащие на полпути к спирантизации. «Листья́» дает в украинском яз. «листя́», т. е. l'is't'ja, а свѣтъя́ — дает одновременно с этим «свѣча», s'v'eča. Подобным же образом из gawaratija получилось gawara (66) «равратя» (долгота t не обозначалась)⁸, а из raptja — pasa, т. е. «панса». Совершенно таким же образом существуют одновременно kutatijo и kutasijo, Tinwatija и Tin u asija, Kapatija и Kapasija. Это только отдельные примеры, но они, как мне кажется, убедительно показывают, что правы не «большинство ученых» (научные вопросы не решаются подсчетом голосов), а правы сторонники взгляда, по которому особенности орфографии худо или хорошо отражают особенности фонетики (на этой точке зрения стоят также Фридрих, Георгиев, Розенкранц и Мерлингген). А принятие этой точки зрения внесет существенные изменения в перевод и толкование надписей.

Можно только пожалеть, что Вентрис и Чадвик приняли схему Риша, по которой эолийский диалект родственен не ахейскому, а дорийскому. Здесь не место останавливаться на этом вопросе: я в своей книге показываю, что правы такие глубокие языковеды, как О. Гофман, Кречмер, Тумб, Зиттиг, Бранденштейн и многие другие, когда они считают эолийский диалект лишь северным говором ахейского; я считаю возможным, что в микенскую эпоху еще не было реального отделения ахейского от эолийского. Сближение микенского языка с эолийским также дает возможность объяснить многие слова и формы иначе, чем это делают Вентрис и Чадвик⁹.

Как у Гомера, в микенских надписях существуют одновременно и стяженные формы: например, ekee, otawoo, но kotonoko наряду с kotonooko, kotonanopo наряду с kotonanono. Вентрис и Чадвик объясняют эти стяженные формы «ошибкой писцов» и пишут koton<o>oko, koton<a>anono. Считаю этот прием неправильным: очевидно, действительное произношение представляло нечто среднее между о и oo, а и aa. Так же было и в классическое время: когда артист Гегелох вместо γαλῆνᾶ ὄρω произнес просто γαλῆν ὄρω, это вызвало смех у публики, ὡς συνελόντα τὴν συναλοιφὴν (Schol. in Arist. Ran., 303). Поэтому и в микенское время одни писцы передавали это συναλοιφὴ на слух, как aa и oo, другие менее точно как а и о. Точно так же Πελειάδωε не есть Πελειάδew.

Однако дубликаты в языке объясняются не только «промежуточным» произношением, дающим возможность различного написания или различных оттенков произношения у разных индивидуумов. В любом языке существуют и настоящие дубликаты,

⁸ В позднейшем лесбийском диалекте-pj- дало -vv- и-gj- дало -pp-. Можно думать, что и в лесбийском это -vv-, -pp- выражало «мягкий» звук, вроде украинского «вчення», и что микенское (76) также выражало долгий смягченный звук: ta(76)ta (= tarata, tagijata) «таррита». Тогда разница между лесбийским и микенским окажется в этом случае чисто графической.

⁹ Обращу внимание на следующие факты. Стр. 34 — авторы понимают qeçino-to как δινωτός, хотя корень διν- никак не восходит к лабиовелярному. mi не есть min, так как эта форма чисто ионийская: mi=me, как позже на Кипре, это дает лучший контекст; apedoke не есть ἀπέδωκε (микенский язык не знает аугмента), а ἀπέδωκε=атт. ἀπέδωκε «доставил согласно договору».

в том числе в области морфологии («морфологические синонимы»). Обычно все такие параллельно существующие формы у Гомера считали результатом смешения различных диалектов из метрических соображений (Kunstsprache), забывая, что Гомер — не Каллимах и что он писал не для кучки книжных гурманов, а для широких крестьянских масс. Морфологические синонимы существуют в русск. яз. (род. пад. чая, чаю), в укр. яз. (дат. пад. дому, домові), в нем. яз. (род. пад. Felsen и Felsens и т. п.) и, например, в фессалийском диал. греч. яз. (род. пад. на οϛ и на ου в одном и том же документе). Поэтому, например, если мы в языке микенских надписей встречаем в качестве окончания род. пад., наряду с -οιο, также в очень многих случаях -ο, то нельзя видеть здесь всюду «ошибку писца» и читать ο<jo>, а необходимо принять как факт, что здесь существовали две формы род. пад., какого бы они ни были происхождения. Точно так же является несомненным (что признавал и Вентрис, но отрицает теперь Чадвик), что в 1-м и 2-м склонениях дат. пад. образовывался часто по аналогии с 3-м склонением от атематической основы, как это было позже у Гомера и в памфлийском диалекте; следы этого остались и в аттическом. Прибавим сюда еще то, что, как доказали Дориа и Лежен, окончание -φι служило не только для множ. ч., но и для единственного, — это сплошь и рядом приводит к другому переводу и толкованию, чем данные Вентрисом и Чадвиком. Если это так, то нам не придется, вместе с Вентрисом и Чадвиком, видеть в ο (скажем, в выражении *kuγuso gewopi*) другое написание для οϛϛ, а dat. sing. *χρῆσῶι λέορφι*.

Переходим к критике восстанавливаемой Вентрисом и Чадвиком картины общественных отношений. Длинное рассуждение о грабительских набегах пилосцев, которые по романтической реконструкции Чадвика грабили почему-то только варваров и не трогали греков (Documents, стр. 196), и о похищении неквалифицированных рабочих, основано, по моему мнению, на неправильном переводе отдельных слов. *Kiniđija* не означает «жителяница Кпида», а, как видно из надписи An 292, это — одна из специальностей женщин, приготавливающих хлеб (*sitokowo*), различающихся между собой в зависимости от приправы, прибавляемой к хлебу; *kutera₂* — жительницы Киферы, а *χῦταρα* или *χῦταλα*, работницы, которые что-то льют или сыплют (*χῦτλον*, *χῦω*), может быть, синоним слова *sitokowo*; *rawijaja* не может означать «взятая из добычи». Критские изделия считались особо высококачественными, особо отмечалось: *keresijo*, *κῆρος*, «критский» и *keresa*, *κῆρσα*, «критская». Эти-то *kereska(i)* разделялись на две категории: *wewesija* — «суконщицы» и *rawijaja*. Какую бы специальность не обозначало *rawijaja*, оно не может означать «взятые из добычи». Точно так же *miratija*, чередующаяся с *miratira*, по моему мнению, означает *μιλάτερα*, *μιλάττρα* «резчица», а не «милетянка» и т. д.

Как я указывал неоднократно и как доказал теперь Лежен, в надп. Ep 609 *damate* и *tereta* — дат. пад. ед. ч., и потому отпадает всякое основание отождествлять владельцев *ktimena* с телестами, кроме только *Wanatajo*, который этот титул носит¹⁰.

В обеих книгах большую роль играет землевладелец *Ekeka₂wo*, которого Чадвик отождествлял с микенским царем. Я подробно показываю несостоятельность этого отождествления в другом месте. Здесь укажу только на то, что Вентрис и Чадвик сопоставили две надписи: надпись Un 718 — списки даров Посейдону, где читаем: *Ekeka₂wo* даст (столько-то), народ (столько-то), воевода (столько-то), *wogokijonejo kama* (т. е., как я полагаю, пехотинцы, обрабатывающие землю, — столько-то) — и надпись Eg 312, где определяются величины теменов: с царского темена (столько-то пшеницы), с воеводского темена (столько-то пшеницы), с телестов (столько-то пшеницы), с *wogokijonejo* (обрабатываемой земли, столько-то пшеницы). Вентрис и Чадвик отождествили по содержанию эти надписи, так как и тут и там упомянуты три категории, и тут и там встречается термин *wogokijonejo*. Но эти совпадения, как указали также Палмер

¹⁰ Явный недосмотр Вентриса и Чадвика — перевод *koɾetere da₂mateqe* как «the maɾors and their wives» на стр. 357. Такой перевод невозможен, так как *da₂ma* в ряде других мест — титул руководителя сельской общины.

и Винтер, второстепенные и случайные, а выводы, которые отсюда получают Вентрис и Чадвик (Documents, 265), парадоксальные и нелепые—Ekepa₂wo—царь, a telestai—damo народ!

Большое значение для восстановления картины общественного строя микенской эпохи имеет понимание слова egeta в надписях военного содержания: есть ли это «всадник», «колесничий», хорошо известный нам из Гомера (ἵπποτα Νέστωρ в Пилосе), или это некий ἐπίτης «граф» или религиозный сановник, находящийся в каждом полку, как «посредник между монархом и армией»? Чадвик, не называя меня по имени, полемизирует с моим толкованием слова egeta, как ἵπποτα, ἵπποτας «колесничий». Доводы его, однако, нельзя признать убедительными не только потому, что i : e вообще чередуются в микенском письме, но и потому, что именно eeo есть старая и.—e. форма этого слова и что i и e могут здесь чередоваться под влиянием ассимиляции, как в дат. is, ii, iis, но eo, ea, eum; is, it, ire, но eo, eunt, eundus. Поэтому прав Мюлештейн, когда и в eea видит лишь другую форму слова iqija, колесница.

В заключение нельзя не остановиться на трудном и щекотливом вопросе: что в Documents принадлежит Вентрису, а что Чадвику? Чадвик категорически протестует против таких «источниковедческих» исследований: книга написана сообща и является общей собственностью; как раз те места, в которых я обнаружил «рудименты» вентрисовой точки зрения, написаны Чадвиком. Тем не менее это нужная и полезная исследовательская работа.

Во всех работах, написанных без сотрудничества Вентриса, Чадвик протестует против допущений, что звук w выпал или был вставлен как переходный звук без этимологических оснований. Впрочем, уже в Documents, 289, он отвергает толкование tiriseroe, как Τρισέρωει, так как следовало бы ожидать tiris-erowe, на этом же основании он отвергает общепринятое толкование слова Ἰφίρεβεια, так как следовало бы на табличках ожидать wi — в начале (стр. 288). 25 марта 1959 г. он пишет: «Я продолжаю сомневаться относительно приводимых случаев опущения w в микенском яз.: Un 219,7 anakate — очень сомнительное чтение, этимология слова Ρίον не обязательна и т. д.». Но в Documents, 79 мы читаем среди «орфографических правил Вентриса»: «В некоторых словах мы имеем произвольно втершееся (intrusive) w в таких случаях, когда его нельзя ожидать ни со стороны этимологии, ни со стороны диалектных форм; в других случаях ожидаемое w отсутствует: eneka, oromo, ijereja, Posedao (коринф. Ποσειδάων)». Наши исследования показали, что таких случаев очень много и в микенских надписях и позже на Кипре, на Крите и в Памфилии. Я думаю, мы вправе предположить, что и Documents, 79 отражает взгляды Вентриса.

Другой случай: Чадвик, полемизируя со мной, исходит из положения, что каждое особое окончание соответствует падежу, т. е., что один и тот же падеж может иметь два различных окончания только в искусственном языке. Однако в Documents, стр. 84, мы читаем: «Окончание (дат. пад.)-e согласных слов распространилось на мужские основы на „a“, стр. 85; «didakare Ventris читает здесь didaskalei, локатив типа οἴκει, вм. обычного didaskalō(i)». Вентрис здесь прямо назван; значит, он полагал, что один и тот же падеж мог иметь и разные окончания разного происхождения.

Размеры статьи позволили мне выбрать лишь случайные примеры, но я думаю, что их достаточно для того, чтобы нарисовать себе приблизительно такую картину: Вентрис обладал гениальной прозорливостью, но он до последних лет не был лингвистом и не был знаком с историей греческого языка. Он считал необходимым обратиться к помощи Чадвика, академического языковеда. Но Чадвик не отличается ни той фантазией, ни тем размахом мысли, ни той смелостью и непредубежденностью, которая характеризовала Вентриса: он слишком считается с мнением большинства специалистов, по словам американского лингвиста Винтера, «он чересчур доверяет тем формам, которые даны в руководствах, и тем самым преуменьшает значение той новой информации, которую мы получаем из надписей». Как Шлиман, доверившись специалистам, утверждал, что микенскую культуру создали финикийцы, так и Вентрис под влиянием Чадвика оказался соавтором слишком осторожной и слишком академической книги. Нельзя не присоединиться к выводу Палмера (Glosson, 29, 1957, 8, стр. 580—581):

«Ничего из того, что написано в этой книге, не может послужить во вред мировой славе и заслугам Вентриса. Конечно, эта книга будет стоять на полках библиотек и семинаров во всем мире. Она будет служить основой для ученых, изучающих греческую историю и цивилизацию. И тут-то и нужно повторять им, что (содержащиеся здесь) толкования базируются на очень зыбкой почве и что крайне рискованно пользоваться этими документами из вторых рук». Труд Чадвика и Вентриса вполне может быть сопоставлен с трудами Шамполлиона и Раулинсона — он положил начало расшифровке, имеющей мировое значение, но наука перешагнет через него, и он останется почтенной реликвией.

Чтобы нарисовать связную картину микенского общества, нужен еще труд целого ряда остроумных исследователей и что еще важнее — ряд новых находок.

С. Я. Лурье